

Эмилио Лопес Аранго

Синдикализм и анархизм

13 июля 1925

На этих же страницах мы публикуем перепечатанную из римского журнала «Пенсьеро и Волонта» статью товарища Малатесты, в которой говорится о взаимоотношениях между анархизмом и синдикализмом, в теории и на практике. Упомянутый товарищ ставит вопрос о противоречии между обоими понятиями, по-своему объясняет функции рабочего движения и деятельность анархистов внутри и вне синдикатов (профсоюзов), и в заключение острит по поводу слов, которые, как он говорит, отобрал в газете «Ла Протеста».

Статья Малатесты делает обобщения в отношении проблемы, все еще недостаточно обсужденной и проясненной. Он объясняет свою точку зрения, которая, на наш взгляд, вызывает максимальное уважение, хотя мы со всей очевидностью не разделяем некоторые из утверждений. Мы поспешим отметить их с единственной целью: набросать наш тезис по этому вопросу. Но замечание, сделанное товарищем Малатестой в конце его статьи, побуждает нас разъяснить значение некоторых слов, которые, возможно, имеют различный смысл в Италии и в Аргентине, хотя определенные, модные ныне понятия часто приводят к плачевным ошибкам.

Говоря о культурной работе политического анархизма, мы не хотим утверждать, будто особые анархистские организации (такие, например, как итальянская и французская) ограничиваются ведением пропаганды с помощью книг, брошюр и периодических изданий или завоеванием сторонников с помощью лекций, проводимых в центрах социальных исследований, Атенеос и др. Мы не собираемся также ошибочно приписывать их активистам намерение готовить к социальной революции прежде всего рабочих. Отметим существование культурного движения, растворенного в окружающей его среде, неясного в своих формах деятельности, с тенденцией пронизать все человечество освободительными идеалами. И поскольку мы не верим в эффективность этого средства, которое по причине своей неясности не воспринимается самими же трудящимися, мы выступаем против систематического ведения пропаганды в профсоюзах — против пропаганды анархистской цели в экономических организациях, которые Малатеста и другие товарищи рассматривают как нейтральное поле борьбы между тенденциями, разделяющими пролетариат.

Из такого понимания рабочего движения, разделяемого в особенности нами в этой стране, Малатеста делает вывод, будто наша оппозиция против политического анархизма — в виде политической партии или культурного центра — вдохновлена анархо-синдикалистской точкой зрения. И именно в этом он заблуждается.

Анархо-синдикализм, даже принимаемый как соединение анархистских и синдикалистских тенденций, есть гибридный продукт нашего смутного времени. Под прикрытием этой грамматической конструкции к рабочему движению прилагается старая реформистская конструкция: в известной мере, это плод проповедей защитников идейной нейтральности в профсоюзах. И, не имея намерения обижать старого учителя, мы заявляем, что как Малатеста, так

и Фабри — теоретик классового единства и отстраненности рабочего движения от всяких доктрин — гораздо ближе к анархо-синдикализму, чем мы.

Значение слов неодинаково в различных местах, и это следует иметь в виду, когда речь идет об этикетках, которые, как новшество, навешиваются на старые теории. В Германии, например, анархо-синдикализм представляет собой новую форму выражения: согласно Роккеру, это обозначение пограничной с анархизмом революционной тенденции, распространившейся после войны среди рабочих, чтобы противопоставить социал-демократии новую тактику борьбы и новые теоретические выводы и, как следствие, найти средство для того, чтобы вызвать раскол централистских организаций германского пролетариата. Но в латинских странах, где существует либертарная и федералистская традиция и где слово «анархия» никого не пугает — какая необходимость употреблять там эту двусмысленную этикетку? Если определять анархизм и синдикализм с точки зрения теории, их единство невозможно даже на словах. Поэтому оно интересует только сторонников доктринальной нейтральности, так называемых «антиполитических» синдикалистов и тех, кто действует в различных плоскостях: в профсоюзах — как наемные работники, и в партиях — как сторонники тех или иных социальных или политических убеждений.

Мы, как уже было сказано, весьма далеки от этой тенденции, к которой сейчас прикрепляется ярлык анархо-синдикалистской. Мы определили наше место в рабочем движении — не потому что нас вынуждает к этому наше положение как трудящихся, на основе экономических связей, рассматриваемых Фабри как имеющие решающее значение для успеха пролетарских организаций и предотвращения раскола единства класса, а потому что мы видим в профсоюзах эффективное средство пропаганды и потому что практика повседневной борьбы демонстрирует нам, что невозможна революционная подготовка пролетариата в плоскости, находящейся вне или над самим пролетариатом. Анархо-синдикализм претендует быть революционной теорией, стоящей между профсоюзным реформизмом и доктринальным анархизмом. Он заимствует у первого методы действия — прямые или не прямые, в зависимости от ситуации, усваивает его корпоративистскую практику, его экономические формулы, довольствуясь украшением в виде слов, заимствованных у второго, которые тем более привлекательны, чем они эмпиричнее. И получается «смесь» в виде самого настоящего «русского салата»: нечто весьма аппетитное на вид, но, в конечном счете, неудобоваримое.

Малатеста, и с ним вместе все защитники политического анархизма — особых организаций вне рабочего движения и выступающих в оппозиции против выборных партий — могут возразить, что принятие профсоюзами анархистской этикетки предполагает, что они встанут под знамя исключительно одной тенденции и тем самым отбросят тех, кто заранее не согласится с их программой. Но такое установление, которое, с другой стороны, проявляется во всех сферах человеческой жизнедеятельности, несмотря на наши либертар-

ные проповеди, не будет играть в рабочем движении насильственную роль. Мы не принуждаем рабочих той или иной профессии или отрасли вступать в наши организации только потому, что у нас, как у трудящихся, имеются общие интересы. Мы предпочитаем отказаться от связей на основе классовой принадлежности с тем, чтобы объединять трудящихся в соответствии с их идеями. Вот почему мы приветствуем раскол корпоративных объединений, сложившихся на экономической основе и подчиненных строгой дисциплине, и образование на их месте такого количества рабочих движений, на сколько тенденций разделен пролетариат.

Нет ничего более абсурдного, чем единство класса, отстаиваемое политическими партиями в стремлении укрепить свою собственную власть над трудящимися. Не имея таких намерений, но исходя, как нам представляется, из неверного понимания рабочего движения, Малатеста и Фаббри также ратуют за такое единство и начинают, к примеру, с того, что отказываются от любой пропаганды, ведущей к его расколу.

Поступая таким образом, Малатеста и Фаббри примиряют это со своим мировоззрением. Они не могут и далее придерживаться той противоречивой позиции — со всей очевидностью, ложной — которую сохраняли в последние годы. Если они защищают доктринальную нейтральность в профсоюзах и единство рабочего класса, чтобы сделать возможным любое совместное действие против буржуазии, совершенно нелогично в то же самое время поддерживать Итальянский синдикальный союз, продукт раскола, как пролетарскую организацию, противостоящую Всеобщей конфедерации трудящихся, которая не только объединяет в своих рядах большинство организованных трудящихся, но и играет роль нейтрального поля, открытого для всех тенденций. . . При условии, что те, кто не занимает официальных постов, принимают программу руководящей камарильи.

На самом деле, именно политический анархизм выступает за соединение этих двух противоположных терминов — «анархо-синдикализм», который так и не стал доктриной, несмотря на все усилия некоторых теоретиков двусмысленности. Нужно ли нам соединять два эти слова, чтобы обозначить нашу деятельность и объяснить ориентацию движения, продвигаемого нами в среде пролетариата? Мы не поддерживаем двойственности тех, кто является анархистом в своей партии или группе и синдикалистом в своем профсоюзе. Подобным же образом мы отвергаем и подразделение на основе специализации по отдельным направлениям пропагандистской работы: на отдельные группы antimилитаристов, рационалистов, трезвенников, вегетарианцев, эсперантистов и т.д., и т.п. Мы считаем, что анархизм един во всей бесконечности видов революционной деятельности, и потому отвергаем произвольное разделение анархистов на тех, кто работает в экономической сфере, и тех, кто действует в политической. И мы не склонны прислушиваться к доводам тех, кто для оправдания своей специализации заявляет, что другие ее виды ошибочны или

таят опасные семена коррупции.

Нам заявляют, что профсоюз является реформистским по самой своей природе. Но необходимо объяснить значение этого слова. Завоевание экономических улучшений, повседневная борьба против капитала, сопротивление против произвола власти — разве это дело реформистов? Разве стремление завоевать что-либо, что хотят окончательно закрепить законами, противоречит будущим завоеваниям? В области заработной платы любое завоевание является преходящим, недолговечным, поскольку оно подчиняется экономическим случайностям, которые не может регулировать даже сам капиталист. Следовательно, имеет место не легальная реформа, а постоянное изменение стоимости средств обмена и эквивалента труда, выполняемого рабочим. Этот труд измеряет буржуазия своим экономическим шаблоном.

Политические партии осуществляют такое же оборонительное действие в парламентской сфере, придавая тем самым реформе ее действительное выражение. И политический анархизм, даже обходясь без парламента и отвергая реформистское действие групп, ориентированных на выборы, всего лишь способствует этим изменениям в экономических условиях жизни народа, когда принимает участие в протестах против роста стоимости жизни или вызывая народные волнения, могущие сдерживать размах капиталистической эксплуатации.

Отсюда связь, которая существует в сфере экономики между профсоюзным действием и анархистской пропагандой, которая вдохновляется временными улучшениями. Все зависит от формы, в которой ведется эта борьба. Если анархисты, которые активно действуют в профсоюзах, умеют работать именно как анархисты, и оказывать действительное влияние на коллег по работе (будет ли столь же пагубной эта моральная диктатура?), могут воспрепятствовать тому, чтобы многие забастовочные конфликты разрешались в правительственных бюро и министерских приемных. И одна лишь эта работа, даже имеющая относительное значение, способствует борьбе с верой в законы и с культом политики — действительными основами реформизма.

Любая революционная пропаганда, которая ведется в нереволуционный период, вдохновляется намерениями сегодняшнего дня, которые вполне могут быть включены в какую-нибудь программу социальных реформ. Но нас интересует не задача, которую преследует пролетариат своими протестами и акциями, будь они мирными или насильственными, а та форма, в какой находит выражение их недовольство несправедливостями и преступлениями капитализма и государства, те средства, какие он пользуется для закрепления своих побед. Разве не абсурдно пытаться ставить знак равенства между политиком, стремящимся к реформе социального режима с помощью правительственных законов, и анархистом, который помогает забастовке ради завоевания улучшений, вступающих в противоречие с самым продвинутым законодательством и к тому же в оппозиции против планов парламентского

реформизма? Между тем, социальная революция не будет актом трудящихся, вынужденных просто защищаться от капитализма с помощью своего особого боевого оружия — забастовки, саботажа, бойкота и т.д. Пусть все это реформистская работа, какую с легкостью могут использовать прогрессивные политические партии, но вопрос состоит именно в том, чтобы не допустить участия профсоюзов в разработке трудового законодательства, легализуя эти реформы. Ведь именно этого добиваются защитники формулы «Вся власть профсоюзам» и марксисты, прикрывающиеся «анархо-синдикалистской» этикеткой.

Интерес представляет обсуждение вопроса, могут ли профсоюзы как оборонительное оружие пролетариата открыть широкое поле для деятельности анархистам. Мы утверждаем, что да, и, заявляя это, мы опираемся на опыт нашего движения. В рядах ФОРА пропаганда анархизма идет совершенно беспрепятственно. И это куда более важное завоевание, чем все, какие могут быть добыты вне сферы пролетариата, в среде, мало пригодной для распространения освободительных идей.

Если анархизм не имеет в рабочем движении одной из наиболее логичных форм своего выражения — главную основу своего революционного действия — на какой основе мы можем достичь торжества революции и анархии? Малатеста считает, что профсоюзы могут играть только реформистскую роль и не служат элементами идейного созревания пролетариата. Он также поддерживает необходимость синдикализма для сопротивления буржуазии, рекомендуя анархистам вложить свою энергию в это оборонительное действие трудящегося класса. Мы же, напротив, не приписывая профсоюзам каких-либо функций на послереволюционный период, не пускаясь в импровизации по поводу экономических организаций, которые заменят капиталистические органы после ликвидации существующего режима, считаем, что профсоюз открывает для анархистов великолепное средство для того, чтобы вести пропаганду своих идей и противопоставить их, авторитарным тенденциям, преобладающим в рабочем движении в большинстве стран.

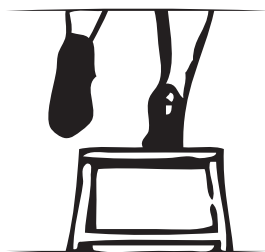
Эта тема наводит на очень многие соображения. Но отложим их до лучшего случая, тем более, что статья и без того получилась слишком длинной.

Из еженедельного приложения к «La Protesta», 13 июля 1925 г.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Эмилио Лопес Аранго
Синдикализм и анархизм
13 июля 1925

Перевод: Вадим Дамье
aitrus.info